

— Сяо Вэй, — голос Сяо Вэя звучал несколько отстраненно, но каждое слово отчетливо долетало до слуха Цзи Е. Это походило на приторные любовные признания, однако в них сквозила не допускающая возражений серьезность.

— Синие одежды, синие полы, глубока тоска моя... Если я не приду, разве ты не подашь вестей? — Цзи Е тихо процитировал стихотворение. Он никак не мог понять, почему Сяо Вэй доверяет ему настолько, что с самого начала выложил все карты на стол, хотя знание о перемещении во времени было его главным козырем. Неужели он был настолько уверен, что Цзи Е не проболтается и не предаст его? — Ты и есть Сянжун-гунцзы?

— Верно. Что, не похож? А Е, ты ведь даже не знаешь, что я еще и на цине играю превосходно, — Сяо Вэй звонко рассмеялся. В нем совсем не чувствовалось императорского величия, он ничуть не тяготился ролью актера.

— Вашему Величеству следует помнить о своем статусе, — Цзи Е нахмурился. Если бы сторонники Великого наставника узнали, что император тайком сбегает из дворца, да еще и выступает в увеселительном заведении под именем Сянжун-гунцзы, ставшего самым популярным артистом во всем государстве Великое Чу, беды было бы не миновать.

— А Е, ты беспокоишься обо мне? — Сяо Вэй перевернулся и навис прямо над Цзи Е, их дыхание смешалось. Подумав секунду, он счел это невозможным и вздохнул: — Боишься ты, скорее всего, лишь за Чу Мин-хуана.

— Ваше Величество, вы слишком многого опасаетесь. Я пришел сегодня, чтобы обсудить дела Великого наставника. Сейчас самое подходящее время, — Цзи Е встретил его взгляд. Система указывала целью именно Чу Мин-хуана, и хотя человек перед ним был пришельцем из другого мира, он занял место прежнего владельца тела, а значит, был его объектом для прохождения. Нужно просто помнить об этом.

— А Е, ты собираешься обсуждать со мной такие серьезные дела в таком положении? — видя, что Цзи Е пришел в себя, Сяо Вэй рассмеялся и отпустил шутку, словно ничего и не произошло.

Вскоре императрица родила наследника. Император был вне себя от радости: он провозгласил старшего сына наследным принцем, а Великого наставника пожаловал титулом Чжун-го-гуна. В одночасье влияние партии Великого наставника при дворе достигло своего пика.

Цзи Е ежедневно наблюдал, как Великий наставник ходит с заносчивым видом, но хранил молчание. Лишь в столице поползли слухи, будто Сянжун-гунцзы из Хуаманьлоу — это тот самый неподкупный и строгий цензор Юйшитая, Цзи Е.

Слухи возникли не на пустом месте. Во-первых, за Хуаманьлоу стоял сам император, а он, известный своей слабостью к мужской красоте, всегда выделял Цзи Е. Недавняя холодность императора, скорее всего, была лишь игрой на публику, чтобы усыпить бдительность врагов.

Во-вторых, появились свидетели. Люди рассказывали об этом с такой убежденностью, будто сами видели, как господин Цзи извивается и стонет в постели. Подумать только: строгий и сдержанный цензор в чьих-то объятиях — от этой мысли захватывало дух. Рассказы становились все более живыми, и молва в народе разгоралась с новой силой.

График Цзи Е лишь подкреплял эти сплетни: после утренних докладов он тайком садился в карету и направлялся в задние покои Хуаманьлоу, после чего на сцене появлялся господин Сянжун. Узнав об этом, Великий наставник, разумеется, молчаливо поощрял пыл своего избалованного сына.

Яо Гуан, брат императрицы, был известным столичным повесой. В последнее время он зачастил в Хуаманьлоу, и чем больше Сянжун-гунцзы отвергал его, тем сильнее разгоралось любопытство Яо Гуана. Он славился терпением в ухаживании за красавцами, считал себя утонченным, но не распутным, и целый месяц каждую ночь приходил в Хуаманьлоу, потратив целое состояние на золотую маску, чтобы впечатлить артиста. Но даже это не помогло ему добиться расположения.

Яо Гуан не привык к такому обращению. Он хотел было просто выкупить Хуаманьлоу, но опасался владельца — императора. Однако времена изменились: сестра родила наследника, отец вновь взял власть в свои руки, и теперь Яо Гуан мог вести себя как угодно, ведь даже император-марионетка вскоре должен был лишиться трона.

Осмелев, Яо Гуан с одобрения отца в очередной раз отправился в Хуаманьлоу, но на этот раз он не собирался соблюдать приличия.

Цзи Е, сидя в уединенной комнате, неспешно наносил грим. Его кожа была бледной от природы, он лишь подвел брови, придав им изящную длину, и коснулся губ красной бумагой. В свете ламп его облик приобрел холодную, манящую притягательность.

После того случая Цзи Е устроил Сяо Вэя во дворце, а роль Сянжун-гунцзы взял на себя. Нанеся грим, он заметил, что его лицо стало удивительно мягким. Он попытался улыбнуться — вышло немного скованно, но все же красиво.

Когда Цзи Е расчесывал свои длинные волосы, дверь с грохотом распахнулась. В комнату ворвался разгоряченный Яо Гуан. Слуга, пытавшийся его остановить, виновато посмотрел на Цзи Е, но тот лишь махнул рукой, отпуская его. Незванный гость чувствовал себя хозяином положения. Глядя на стройную спину Цзи Е и вспоминая нежные звуки циня, доносившиеся со сцены последний месяц, Яо Гуан не мог сдержать нетерпения.

— Подумать только, никогда бы не сказал, что господин Цзи обладает такой неземной красотой, — Яо Гуан раскрыл веер и, помахивая им, насмешливо разглядывал красавца в зеркале.

— Не припомню, чтобы мы были знакомы, — голос Цзи Е звучал холодно, в нем сквозила отстраненность Сянжун-гунцзы.

Эти слова задели Яо Гуана за живое. Будучи братом императрицы, он не имел чина и должности. Все лишь боялись влияния клана Яо, но по сути он был никем. Те немногие разы, когда он видел Цзи Е на дворцовых пирах, тот даже не достаивал его взглядом.

— Ха, какая спесь! Господин Цзи, должно быть, слишком привык к этому заведению и забыл свое место. Одно дело, когда тебя превозносят, и совсем другое — когда топчут в грязь, — Яо Гуан подошел ближе, положил голову на плечо Цзи Е и с ледяным взглядом уставился в зеркало.

Цзи Е молчал, его длинные волосы водопадом струились по плечам, подчеркивая нежность кожи. Яо Гуан почувствовал тонкий, едва уловимый холодный аромат и замер, ослепленный увиденным.

Он протянул руку и погладил нефритово-белую щеку:

— Господин Цзи, неужели вы и перед императором столь же обворожительны? Это поистине соблазнительно. Скажу вам по секрету: тот императоришка скоро лишится трона, и Великое Чу станет вотчиной клана Яо. Я проявлю милость: если покоритесь мне, обеспечу вам богатство и почет! К чему вам чин цензора третьего ранга? Когда мой отец станет императором, я сделаю вас премьер-министром. Ну как?

Цзи Е обернулся, уголки его губ дрогнули в обворожительной улыбке. Он приоткрыл алые губы, и его голос, нежный и мягкий, прозвучал подобно приговору из иных миров:

— Жаль только, что вам, господин Яо, не суждено этим насладиться.

Яо Гуан не вернулся домой, а Хуаманьлоу за одну ночь закрылось, словно все люди внутри испарились без следа.

Великий наставник был в ярости, но в Хуаманьлоу не было ни души. В ту ночь не проводилось поэтических вечеров, посетителей почти не было, и свидетелей не осталось. В отчаянии наставник поспешил во дворец, чтобы потребовать ответа от императора — ведь в народе говорили, что именно он является владельцем заведения.

Когда он ворвался в покои, император и императрица как раз завтракали. Слуги не посмели остановить отца императрицы. Великий наставник увидел, как Сяо Вэй с улыбкой кормит жену с ложечки.

— Сяо Вэй, что происходит с Хуаманьлоу? Ты обязан дать мне ответ! — наставник, охваченный тревогой за младшего сына и уверенный, что власть в государстве уже принадлежит ему, забыл о правилах приличия и перешел на крик, обращаясь к императору по имени.

Сяо Вэй промолчал, делая вид, что испугался. Императрица, не выдержав, нахмурилась:

— Отец, что за тон? Не забывайте, где находитесь!

— Ты, неблагодарная! Твой брат пропал без вести, а ты здесь пируешь с этим виновником всех бед! — наставник, души не чаявший в позднем сыне, окончательно потерял голову.

— Кажется, вы совсем лишились рассудка, — холодно произнесла императрица. — Это императорский дворец, а не ваш задний двор. Я прощаю вас лишь потому, что вы стары, но если император разгневется, последствия будут тяжелыми.

С тех пор как императрица родила наследника, семья мужа ни разу не навестила ее, а отец пришел лишь ради допроса. Сравнив отношение к себе, она сделала выводы. К тому же, отец всегда больше любил бестолкового брата, и его поступок мог бросить тень на нее саму.

Сяо Вэй дернул императрицу за рукав, решив взять на себя роль миротворца:

— Похоже, Великий наставник сильно встревожен. Не сердись, императрица. Что случилось с господином Яо? Расскажите по порядку.

Наставник пришел в себя, услышав, как дочь сменила обращение с отец на Великий наставник. Он понял, что перегнул палку, но внутри закипала обида: для него дочь была лишь пешкой, а наследником рода — сын.

— Старик был не в себе, прошу прощения, Ваше Величество, императрица. Мой сын не вернулся из Хуаманьюлоу, а я слышал, что это ваше заведение, вот и решил спросить.

— Что вы такое говорите? Хуаманьюлоу — это бордель, как он может быть моей собственностью?
— Сяо Вэй выглядел оскорбленным. — Я все время провожу с императрицей, откуда мне знать, что творится за стенами дворца?

— Верно, — поддержала мужа императрица. — Мы всю ночь играли в шахматы и пили чай. У нас не было времени заниматься подобными делами.

— Какая идиллия, — взгляд наставника похолодел. Если бы император попытался возразить, он бы нашел, что ответить, но то, что императрица посмела ему перечить, означало, что она забыла, кому обязана своим положением. — Раз император не в курсе, я спрошу господина Цзи. Говорят, он тоже был там вчера.

Наставник пристально смотрел на Сяо Вэя, но тот лишь изображал невинность.

На следующее утро император снова не появился на аудиенции. Даже прилежный Цзи Е не пришел во дворец, сославшись на болезнь. Наставник не выдержал и сам отправился к нему.

Цзи Е поливал цветы во дворе.

— Господин Цзи, вид у вас отличный, почему же вы не явились на утренний доклад? — спросил наставник, оглядывая пустой особняк.

— Прошу прощения, не встретил вас должным образом, — вежливо ответил Цзи Е, не отрываясь от ножниц.

— Мой сын вчера приходил к вам и не вернулся. Боюсь, он мог вас потревожить, — наставник решил не упоминать Хуаманью.

— Вы ошибаетесь. Вчера я ни на шаг не покидал свой особняк. Если ваш сын приходил, вы можете поискать его сами, — мягко ответил Цзи Е, совсем не похожий на того строгого чиновника, каким его знали при дворе.

Наставник понял, что его провели. Но он был уверен, что в Великом Чу никто не скроется от его глаз.

— Господин Цзи, возможно, вы больны, но помните: сейчас в стране решаю я. Лучше подумайте, стоит ли наживать себе врагов. Иначе, даже если вы будете при смерти, вам придется закончить свои дни в тюрьме.

— Вы угрожаете мне, Великий наставник? — Цзи Е поднял голову, его взгляд был бесстрашен. — Что ж, попробуйте. Посмотрим, как долго продержится этот цензор третьего ранга.

Наставник ушел в ярости. На следующий день на столе императора лежала жалоба, подписанная всеми высшими чиновниками, обвиняющая Цзи Е в десяти тяжких преступлениях, караемых смертью всей семьи. Его потребовали немедленно заключить в тюрьму.

Обыск в особняке Цзи Е ничего не дал: дом был пуст, как и карманы хозяина. Цзи Е, кашляя, лишь улыбался чиновникам, повторяя, что чист душой.

Как только Цзи Е оказался в тюрьме, наставник получил страшный подарок — отрезанные мужские органы сына. Он содрогнулся: род Яо прервался, наследника не стало. Обезумев от горя, он бросился в тюрьму.

Камера номер один предназначалась для высокопоставленных лиц, и Цзи Е стал первым чиновником третьего ранга, удостоившимся такой чести. Тюремщики, уважавшие его за честность, обустроили камеру и даже принесли бумагу и кисти.

Наставник, ворвавшись в тюрьму, потребовал немедленного допроса. Тюремщик колебался, но, запуганный криками наставника, был вынужден открыть камеру.

В комнате для допросов стояли жаровни с углями, лежали кнуты и приспособления для пыток. Цзи Е, хотя и ожидал подобного, впервые видел это вблизи. Его подвесили за руки и ноги к деревянной балке.

Наставник не оставил никого из охраны. Он хотел лично замучить Цзи Е до смерти, вымещая свою ненависть.

— Господин Цзи, никогда не думали, что так закончите? Сяо Вэй больше не защитит вас. Почему вы решили пойти против меня? — наставник взмахнул кнутом.

Удар пришелся в грудь, разрывая одежду и кожу. Цзи Е стиснул зубы, его лицо стало мертвенно-бледным, а на губах выступила кровь.

Наставник взял раскаленные щипцы с углем.

— Вы ведь знаменитый Сянжун-гунцзы, столько сердец разбили своей красотой. Посмотрим, что от нее останется, — он прижал раскаленный уголь к щеке Цзи Е.

Запах паленой плоти ударил в нос. Цзи Е почти терял сознание, но в голове всплыло лицо маленького императора: его ясные глаза, нежные губы... Стоило ли это того? В глубине души звучал голос: Пусть я буду звездой, а ты луной, и каждую ночь мы будем сиять друг для друга.

— Кто позволил тебе тронуть моего человека?!

Цзи Е уже почти провалился в небытие, как вдруг услышал голос, подобный ангельскому пению — точно такой же, как в тот день в Хуаманью, когда Сяо Вэй спас его от беды.

<http://bllate.org/book/22179/2310954>